

Женщина-сизиф

День уходящий, зачти мне мои труды.
Я замыкаю фигуры стола и стула
В многоугольник любви и тоски.
Еды,
Пищи духовной и пыли, что в дом надуло
Ветром попутным.
Вскипающее шоссе.
Вне отпусков громяхают мосты и рельсы.
Мы погребли тишину. Да и Бог бы с ней.
Музыка мертвых, пролейся живым.
Пролейся.
Жатва грядущая — дымка и купорос —
Ты не сулишь мне ни отдыха, ни ответа.
Петь похвалу урожаю, что не пророс —
Благослови, чтобы завтра я сделал это.
Пусть надо мной ключевой из твоих фигур
Тлеет голубка — дебютное оригами:

Рисовый пепел слетает на абажур —
Дай не поверить, что это случится с нами.
Что это мутное видится вдалеке?
День наступающий. Выход один —
дотронься.
Это не буря. Не пятна на белом солнце.
Это всего-то ржавчина
на зрачке.

Шанти

Оболочки сосисок, пустая жестянка
«Балтики» —
подворотня встречает естественной красотой.
Одолеть зиккурат, демонстрируя траблы
с пластикой,
Заслужить на сегодня не оргию, так покой.

Любовь

Влюблённые вечно склонны глобализировать
Вот у них исчезли материка
Вот у них осталась одна звезда
Только он все равно ее не отдаст
Никому никогда
Не звезду а самку тупее валенка
Впрочем он и сам недалеко ушел
Ее папа купит им трешку в сталинке
И все пойдет хорошо
Сталинки красивые
Еще в пятьдесят втором
Их строили военнопленные немцы
Это мне сказал бородатый экскурсовод
И проглотил хотдог как сожрал младенца
Боль моя куда ты еще спешишь
Кроме как в чужую страну и голову
Там и без тебя прошумел камыш
Износились лапти с подковами
Там своих хватает и жен и муз
И у каждой роли свои преимущества
Вот ты можешь ложечкой черпать арбуз
Хлюпать носом динамичность поэта
Мучиться
Пока тебя заживо не предадут молве
Анафеме или недружелюбной почве
Чужеродному танцу не прорасти в земле
Не стать своим среди прочих
Хочется быстрее все это прекратить
Без перерождений взять и повеситься
Только как говаривал вымышленный Петир
Хаос это лестница
Склонность к глобализированию лучше
сменить на иронию
Так вообще не будет понятно кто ты и зачем
пришел
Кафку сменить на прессу
Ван Гога на Иеронима
И все пойдет хорошо
Вот у нас исчезли материка
Океан иссохся до дна
Девочка безликая на камее
Я топчусь под дверью не муза и не жена
и постучать не смею

А хочется идти

Любить тебя, как самое себя,
Спасать тебя от самого себя,
В теории, никто и не обязан.
Плеяды лиц бледнеют, пусть, но не сразу,
плывут, по Альмодовару любя.
Зеленым грибом сотню дней подряд
Взрывается речпортовский снаряд
И воет истеричка-мандолина.
Ни слова не проскальзывает мимо.
Но это, разумеется, на первый взгляд.
Так по-сиротски хочется в дома
войти, но растворяются дома.
У всякого есть свойство — растворяться.
Как будто ряд успешных операций
Проводят не врачи, но жизнь сама.
Когда схоронят тело и уйдут,
В заброшенном и маленьком саду
Не шелохнется трепетная птица.
И ничего на свете не случится.
Как если бы пастух дудел в дуду,
Но замечтался вдруг о горстке слив
И временем исполненный мотив
Забыл и на ходу придумал новый.
Мы слышали, в начале было слово.
Но здесь нет слов, и бог нетороплив.
Торопятся лишь пташки по весне
Настроить гнёзд на каменной стене,
Чтоб возродился старый элеватор.
Как жаль, что мне и небо — не куратор,
Как пусто оттого, что хода нет.
А хочется идти к себе домой,
Благодарить дорогу, милый мой,
За все, что было с нами и не с нами,
И крепко землю чувствовать ногами
В десятке сантиметров над землей.

Не положено

О чем бы небо зиму ни просило —
Она придет, она свое возьмет,
И с криком «два дебила — это сила»
Отныне мы не выскочим на лед,
Родные, дальновидные едва ли,
Счастливые, как много лет назад.
Похолодела ночь — твоя, моя ли...

Но люди о таком не говорят.
О том, что на чужбине много пыли,
Что пресно — целоваться на бегу.
О том, что я и ты когда-то были
В лохматом или надцатом году.
Теперь мы каждый день даем концерты,
Бессилие обуздывая льдом.
Зачем нас фасовали по конвертам
и слали, уповая, что дойдем?

Знай: ты и я бессмертны, мы все можем:
Быть звездами катка и быть никем.
И если яркий колер не положен,
Зачем кровит бессонница, зачем
колышется левкой скрипучих ставен
и время поворачивает вспять?

...Дитя Франтишек любит хулиганить.
Дитя Франтишек любит рисовать.

Франтишек — герой сказки Милоша Мацуорека, морозец, который рисовал на окнах не белые, а цветные узоры.